

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Поэтика подробностей: лингвостилистический анализ повести С.Т. Аксакова «Семейная хроника»

Д.А. РОМАНОВ
Тула

В статье рассматриваются основные композиционные, стилистические и собственно языковые формы текстовой детализации. Автор расценивает детализацию, «стихию подробностей» как одну из главных текстообразующих характеристик произведения.

Ключевые слова: *проспекция; ретроспекция; временная вставка; обнажение технологии; отступления в повествовании; многочленные однородные ряды; номинативная выразительность; архаическая лексика; устойчивые обороты речи.*

Отличительной чертой повести С.Т. Аксакова «Семейная хроника» (1856) является стихия подробностей. В этом отношении жанр «Семейной хроники» довольно трудно определить: по объему написанного, продолжительности времени непосредственного действия это повесть, состоящая из разрозненных глав, которые автор называет отрывками, но с точки зрения подхода к изображению действительности, который состоит в максимальном ее укрупнении посредством изображения большого количества подробностей, деталей, исторических, этнографических, географических и прочих реминисценций, заполняющих собой все пространство повествования и создающих масштабное эпическое полотно, это, конечно, роман. Слово *хроника*, входящее в название произведения, одновременно является определением его своеобразного

жанра: несмотря на небольшой объем, перед нами действительно хроника в историографическом понимании, которая вполне сродни средневековой хроникальной традиции. Однако дело здесь не только в хронологической последовательности изложения, но и в предельной достоверной детализации повествования, которая будет характерна для литературного жанра крупного реалистического романа второй половины XIX в.

Следует отметить, что романная детализация присутствует во всех темах, находящихся отражение в «Семейной хронике». В первую очередь в двух главных – теме семьи и теме родины: России вообще и отчего края в частности. Детализирующее начало включено также в тему времени (вспомним комические подробности изображения петербургской жизни ранней екатерининской эпохи устами Афросиньи Андреевны), в тему народа с его вековыми установлениями, обычаями, традициями, в его взаимодействии с близкими

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филол. наук, профессор Тульского гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого. E-mail: kafrus@rambler.ru

соседями (мордвой, чувашами, калмыками) и, безусловно, в нравственную тему, которая сквозной нитью проходит через все аксаковские отрывки и почти всегда сюжетно воплощается в вознаграждении за добро и справедливой каре за зло и безнравственность.

Следует отметить, что «Семейная хроника», написанная в середине XIX в., предвосхитила многие темы семейных романов конца XIX – начала XX в. Конечно, невозможно говорить о прямом влиянии С.Т. Аксакова на зарубежных авторов (Т. Манна, Дж. Голсуорси, Х. Вуолийоки, Р. Мартена дю Гара), а также на М. Горького с его «Фомой Гордеевым» и «Делом Артамоновых». Однако не вызывает никакого сомнения, что Аксаков и названные авторы в семейной теме – звенья одной цепи, только у С.Т. Аксакова показана развивающаяся, укрепляющаяся и, в общем, здоровая семья, прирастающая детьми, внуками и живущая по нравственным законам (во всяком случае, осуждающая безнравственность), а в романах рубежа XIX–XX вв. изображается распад семьи, ее вырождение с безнадежной победой хитрости, лицемерия, злобы над болезненной, беззащитной и слабой человечностью.

Не только в России, но и во всей Европе на протяжении столетия (а в «Семейной хронике» изображается конец XVIII в.) семья прошла эволюцию в сторону торжества «идеалов» стяжательства, коммерческой хватки, что в итоге привело к девальвации нравственных семейных ценностей. Можно сказать, что на двух противоположных сторонах этого эволюционного отрезка стоят «Семейная хроника» и горьковские «Мещане» (1901): плодотворные и душевно богатые Багровы в начале XX в. сменяются вырождающимися и скудными духом Бессеменовыми.

«Семейная хроника» строится по принципу эпического развертывания подробностей как во времени, так и в отражении авторской позиции. Время «Семейной хронике» изобилует проспекциями, ретроспекциями, многочисленными синхроническими вставками, оформленными то внутри текста, то как сноски. Ав-

торская же позиция характеризуется перманентно используемыми приемами «обнажения технологии», а также введением многочисленных деталей подчеркивания достоверности повествования (через авторское Я). Приведем несколько характерных примеров¹.

Проспективное развитие сюжета:

Ее живая, восприимчивая, легко волнующая природа могла мгновенно увлекаться порывами ума или сердца... *впоследствии называли это свойство притворством – и грубо ошибались*²;

Одно только поддерживало духовные силы Софьи Николаовны: мысль, что скоро уедет и постарается никогда не заглянуть в Багрово. *Если бы кто-нибудь сказал ей, что она будет жить в нем постоянно, до старости, и даже кончит жизнь, она бы не поверила и отвечала бы искренне, что лучше согласна умереть...*

Ретроспективное развитие времени:

Одна моя надежда – Алексей... – сказал на прощанье мой дедушка и отправился за Волгу в Уфимское наместничество.

Но не сказать ли вам наперед, что за человек был мой дедушка.

Степан Михайлович Багров, так звали его, был не только среднего, а даже небольшого роста... В разгульной юности... кучу военных товарищей, на него нацеплявшихся, страхивал он, как брызги воды страхивал себя коренастый дуб после дождя.

Приведем примеры временных вставок в текст:

История вторичной женитьбы Чичагова – целый роман, и я расскажу его как можно короче: расскажу потому, что мы впоследствии будем встречаться с этим семейством, и особенно потому, что оно имело некоторое влияние на жизнь молодых Багровых;

Но Афросинья Андреевна стоит того, чтобы с нею хоть немного познакомиться. Афросинья Андреевна жила некогда по тяжобному делу десять лет в Петербурге; наконец, выиграла тяжбу и переехала в свою деревушку.

Вставка про багровского воспитателя Евсеича оформлена в виде нижней сноски:

¹ Здесь и далее текст цит. по изд.: Аксаков С.Т. Семейная хроника. – Уфа, 1983.

² Здесь и далее в примерах курсив наш. – Д.Р.

Это редкий человек целою жизнью доказал ей свою преданность. [А далее нижняя сноска: *Евсейч (его звали всегда только по отчеству) впоследствии был дядькой ее старшего сына, за которым ходил с отцовскою горячностью...*]

Обнажение технологии, как уже было сказано, пронизывает весь текст повествования. В результате возникает иллюзия того, что произведение создается в присутствии читателя и специально для него. Вот несколько ярких образцов этого приема у С.Т. Аксакова:

Тут она рассказала целую кучу разных былей и небылиц и нелепых сплетен, от которых я пощажу моих читателей;

Оставим Багрово и посмотрим, что делается в Уфе;

Боясь наскучить моим читателям таким подробным описанием пребывания у свекра, я скажу только, что следующий, т.е. пятый, день был проведен так же, как и предыдущий.

К приему обнажения технологии тесно примыкает прием достоверизации и изображаемого, который выглядит не как воспроизведение Я рассказчика, а как введение Я автора – участника действия:

Я сужу об этой его радости не столько по рассказам, как по его письму Софье Николавне, которое я сам читал...;

Как беспристрастный передаватель изустных преданий, должен я сказать, что, сверх того, она была слишком чувствительна к суду света...

Приемы обнажения технологии и достоверизации могут совмещаться, например:

Я мог бы передать весь разговор подробно, потому что *много раз слышал, как пересказывал его из слова в слово Алексей Степаныч*; но в нем отчасти есть повторение того, что мы уже знаем, и я боюсь наскучить читателям.

Следовательно, изображаемый в «Семейной хронике» автор словесно воплощается в двух ипостасях: собственно как автор, творец, который перед нашим взором создает художественную ткань повествования, и как член семейства Багровых, Багров-внук, который, хотя и не участвовал в событиях, но слышал о них от

реальных участников и может свидетельствовать об их достоверности.

Стихия подробностей «Семейной хроники» немыслима без различного рода отступлений в повествовании, одна часть из которых может быть, по традиции русской филологии, названа лирическими отступлениями, другая – бытовыми отступлениями для изображения деталей, подробностей и проч., включая технические (например, работу мельницы, поташного завода и под.). Аксаков в этом отношении – явный продолжатель нарративных традиций Н.В. Гоголя. Так, отступлением абсолютно гоголевского типа можно считать изображение свадебного пира в семействе Багровых, представленного в отрывке «Молодые в Багрове». Приведем отдельные фрагменты этого почти двухстраничного описания.

Можно себе представить, что обед был приготовлен на славу. На этот раз Степан Михалыч отказался от всех исключительно любимых блюд: сычуга, жареного свиного хребта (красная часть) и зеленой ржаной каши. Достали где-то другого повара, поискуснее. О столовых припасах нечего и говорить: поеный шестинедельный теленок, до уродства откормленная свинья и всякая домашняя птица, жареные бараны, всего было припасено вдоволь. Стол ломился под кушаньями, и блюда не умещались на нем...

История началась с холодных кушаний: с окорока ветчины, и с буженины, прошпигованной чесноком; затем следовали горячие: зеленые щи и раковый суп, сопровождаемые подовыми пирожками и слоеным паштетом; непосредственно затем подавались ботвинья со льдом, с свежепросольной осетриной, с уральским балыком и целою горою чищеных раковых шеек на блюде; соусов было только два: с солеными перепелками на капусте и с фаршированными утками под какой-то красною слизью с изюмом, черносливом, шепталой и урюком... Все это запивалось наливками, домашним мартовским пивом, квасом со льдом и кипучим медом.

В качестве примера так называемых «отступлений для технических подробностей» можно привести следующий фрагмент:

Дедушка был знаток всякого хозяйственного дела; он хорошо разумел мельничный устав и толковал своей умной и понятливой

дочери все тонкости этого дела: он мигом увидел все недостатки в снастях или ошибки в уставе жерновов: один из них приказал опустить на ползарубки, и мука прошла мельче, чем помелец был очень доволен; на другом поставе по слуху угадал, что одна цевка шестерни начала подтираться...

Наполненные подробностями страницы «Семейной хроники» изобилуют большим количеством моральных рассуждений, которые у С.Т. Аксакова лишены витиеватости, но оттого не менее убедительны:

...Но у старика, кроме здравого ума и светлого взгляда, было это нравственное чутье людей честных, прямых и правдивых, которое чувствует с первого знакомства с человеком неизвестным кривду и неправду его, для других незаметную; которое слышит зло под благовидною наружностью и угадывает будущее его развитие;

В человеческом существе скрыто много эгоизму; он действует часто без нашего ведома, и никто не изъят от него; честные и добрые люди, не признавая в себе эгоистических побуждений, искренне приписывают их иным, благовидным причинам: обманывают себя и других без умысла. В натурах недобрых, грубых и невежественных обнаруживаются признаки эгоизма ярче и бесцеломнее.

Очень часто С.Т. Аксаков воспроизводит суждения народной мудрости и вековых наблюдений русского народа над действительностью, над человеческими характерами, над типичными ситуациями. Изобилие подобного рода изречений также придает стилю «Семейной хроники» эффект неторопливой подробности, глубины, простоты и при этом нетривиальности взгляда на окружающую действительность. Некоторые из подобного рода наблюдений могут стать предметом самостоятельного анализа и очертить, подобно пословицам и поговоркам, круг русских национальных ментальных особенностей, сложившийся за долгие века:

Взять жену умнее себя – беда: будет командирша над мужем; а притом, ты так ее любишь, что на первых порах непременно избалуешь... надо рубить дерево по себе;

...Эта мысль ужаснула его и вызвала то мужество, ту энергию, к которой бывают

способны на короткое время люди самого слабого, самого кроткого нрава;

Жена должна обходиться с мужем с уважением; тогда и другие станут его уважать.

Подробный стиль «Семейной хроники» обеспечивается многочисленными частными наблюдениями автора и героев над разными сторонами жизни, которые дают панораму российской действительности второй половины XVIII в. гораздо лучше, чем многие исторические хроники.

Так, например, С.Т. Аксаков характеризует немцев на русской службе:

Не могу пройти молчанием замеченную мною странность: большая часть этих господ немцев и вообще иностранцев, служивших тогда в русской службе, постоянно отличались жестокостью и большою охотою до палок.

С этим было связано неприятие русскими солдатами многих (даже самых честных и благородных) иностранных офицеров, что продлилось вплоть до конца XIX в. Широко известно, что, хотя Барклаю де Толли и был поставлен памятник возле Казанского собора, тем не менее популярностью среди солдат русской армии он не пользовался.

Весьма точно и тонко наблюдение автора над устройством большой русской родовой семьи, в которой отношения были совсем не простые:

Дело известное, что в старину (я разумею старину екатерининскую), а может быть, и теперь, сестры не любили или очень редко любили своих невесток, то есть жен своих братьев, отчего весьма красноречиво называются золовками; еще более не любили, когда женился единственный брат...

Во многих местностях России, например в Тульской губернии, бытовала пословица от имени невестки, подтверждающая справедливость аксаковского наблюдения: *Лучше восемь деверей, чем одна золовушка.*

Ю.В. Манн справедливо указывал, что произведения Аксакова, «помимо художественных достоинств, обладают большой познавательной ценностью как исторические документы» [Манн 1990: 24].

Разумеется, большую роль в создании

стихии подробностей играют существенно стилистические и языковые приемы. Назовем некоторые из них.

Повествованию столь подробного характера свойственно использование многочисленных однородных рядов, разъясняющих, уточняющих, детализирующих мысль. Часто в их состав входят экспрессивные слова, показывающие авторское отношение к изображаемому. Вот пример с однородными именными частями составного именного сказуемого, представленными экспрессивными прилагательными с приставками *пре-*:

Не пойдет, – сказала старуха, качая головой, – она *преумная, прегордая, превоспитанная*. Мало ли в нее влюблялись, но никто посвататься не осмелился.

Однородные ряды могут входить в антистетические единства, образуя длинные цепочки противопоставлений, которые создают неторопливую размеренность повествования:

Невестка – чудо красоты и ума, жених, правда, белый, розовый, нежный, но простенький, недалкий, по мнению всех, деревенский дворянчик; невеста – бойка, жива, жених – робок и вял; невеста – по тогдашнему образованию, чуть не ученая девица, начитанная, понимавшая все высшие интересы, жених – совершенный невежда, ничего не читавший, кроме двух-трех глупейших романов; невеста – остроумна, ловка, блистательна в светском обществе, жених – не умеет сказать двух слов, неловок, застенчив, смешон, жалок, умеет только краснеть, кланяться и жаться в угол или к дверям; невеста – с твердым, надменным, неуступчивым характером, жених – слабый, смиренный, безответный, которого всякий мог загонять.

Аналогичным образом (антитезой однородных рядов) выстроено противопоставление Степана Михайловича Багрова и Николая Федоровича Зубина:

Она не встречала подобного человека: ее отец был старик умный, нежный, страстный и бескорыстный, но в то же время слабый, подчиненный тогдашним формам приличия, носивший на себе печать уклончивого, искаженного чиновника, который, начав с канцелярского писца, дослужился до звания товарища заместника; здесь же стоял перед ней

старец необразованный, грубый по наружности, по слухам даже жестокий в гневе, но разумный, добрый, правдивый, непреклонный в своем светлом взгляде и честном суде – человек, который не только поступал всегда прямо, но и говорил всегда правду.

Однородный ряд могут образовывать придаточные части сложноподчиненных предложений, соединяющиеся в периоды, например:

...Но, увидя, наконец, что все ее старания напрасны и что чем лучше она была с ними, тем хуже они становились с нею, – она отдалась и держала себя в границах светской холодной учтивости, которая не защитила ее, однако, от этих подлых намеков и обиняков, *которых нельзя не понять, которыми нельзя не оскорбляться и которые понимать и которыми оскорбляться в то же время неловко*, потому что сейчас скажут: «На воре шапка горит».

Аксаковские однородные ряды включают самые разнообразные типы отношений между компонентами, соединяются различными союзами (как правило, соединительными, противительными, присоединительными), что весьма оживляет однородный ряд и заставляет видеть логику синтаксических отношений:

Нечего и говорить, что молодая *не ходила за словом в карман и была не только вежлива, но предупредительна, даже искательна*.

Иногда подобные отношения выражаются у С.Т. Аксакова не с помощью союзов, а с помощью знаков препинания, как в приводимом ниже примере, где тире навязывает союзу *и* противительное значение:

Аксютка, однако, пришла первая; она пригладила и примазала свои рыжие волосы коровьим маслом, напялила праздничную кофту с юбкой, обулась в башмаки – *и не похорошела!*

Однородные ряды могут содержать обобщающие слова:

Возрастающие ласки Степана Михайловича, торжественное вступление ненавистной Софьи Николаевны в звание молодой хозяйки, ее красота и шегольский наряд, ловкость, бойкость ее языка, почтительная и увлекательная ласковость к свекру – *все это* раздражало, уязвляло их завистливые души.

В функции однородных рядов у С.Т. Аксакова могут выступать нераспространенные и мало распространенные простые части с бессоюзной связью в составе многокомпонентного сложного предложения:

Терпенья Софьи Николавны лопнуло, голова вспыхнула, любовь замолчала, сожаленья, раскаянья как будто никогда не бывало, и увидел бедный муж, что не один Степан Михалыч может приходиться в гнев.

Стилистические приемы, связанные с метафорическими переосмыслениями значений слов в тексте «Семейной хроники» почти не встречаются. Язык С.Т. Аксакова богат и изыскан, но эта изысканность достигается, как правило, прямыми значениями и тем, что называется «*н о м и н а т и в н о й в ы р а з и т е л ь н о с т ь ю*». Исключения бывают крайне редки. Как правило, они сопрягаются с чувством авторского душевного трепета и особой теплоты, которую он хочет привнести в описание. Вот один из таких примеров:

Благодатный мрак ночи, уясняющий наше внутреннее зрение, тишина, а потом сон, раздаватель благ и умиритель тревог, произвели, однако, свое благотворное действие.

На страницах «Семейной хроники» в большом количестве встречаются *архаические, ныне забытые слова*:

Смешно сказать, а грех утаить, что я люблю *дишкантовый* писк и даже кусание комаров: в них слышно мне знойное лето, роскошные бессонные ночи, берега Бугу-руслана...

Перед нами архаический фонетический облик имени прилагательного *дискантовый*, который был характерен для XVIII в. По данным Н.А. Смирнова, существительное *дискант* (*дишкант*) вошло в русский язык из немецкого *Diskant* в Петровскую эпоху [Смирнов 1910: 106].

Он встал без шума, раз-другой перекрестился, надел порыжелые кожаные туфли на босые ноги и в одной рубашке из крестьянской оброчной *ленной* холстины вышел на крыльцо.

Диалектное *ленный* – ‘то же, что льяной’ [БАС, т. 9: 131].

...Зипун из крестьянского белого сукна, но окрашенный в ярко-красный цвет *марены*, которой много родилось в полях.

Марена – ‘травянистое растение, из корней которого добывают красящее вещество – крапп’ [БАС, т. 9: 530].

...Всякая *целизна*, всякое нетронутое собою местечко сейчас встряхивало каккие дроги...

Целизна – ‘целина’ [Даль, т. 4: 1269]. Для середины XIX в. это обычная морфемная форма.

Значительную роль в стиле «Семейной хроники» играют разного рода устойчивые обороты речи (как правило, образные): фразеологизмы, пословицы, поговорки. Они передают колорит места и времени действия, особенности характера рассказчика, его отношение к изображаемому, создают теплоту, задушевность и семейную доверительность повествования. Среди них можно отметить три типа оборотов: широко распространенные в языке и традиционные в своем составе; распространенные, но имеющие какие-либо оригинальные компоненты и абсолютно оригинальные, редкие:

I. Ну, так смотри же, Алеша; чтоб все с тебя слетело, *как с гуся вода*, и чтоб *помину не было* о Софье Николавне;

...Одним словом, *некуда было приклонить голову*;

Что и говорить, батюшка, книжница; *мягко стелет, да какво будет спать!*

II. Нечего и говорить, что молодая не ходила за словом в карман...: *узуальная форма – за словом в карман не лезть (не полезть, не лазить)* [Федоров, т. 1: 346];

...Не осталось сомнения, что свекор *души не слышит* в невестке: *узуальная форма – души не чаять* [Федоров, т. 2: 363].

Приведенные обороты показывают индивидуальный (семейный) характер обращения с фразеологией: так общеязыковые формулы принято было употреблять в семье Багровых. Названное варьирование является показательной чертой русского менталитета: каждая семья имеет в своем речевом обиходе не один подобный, отшлифованный частной речевой практикой оборот.

Абсолютно оригинальными (не зафиксированными ни одним фразеологическим или паремическим словарем русского языка) являются обороты, представляющие собой камерную (внутрисемейную) фразеологию рода Багровых:

III. Ведь мы, брат, *не широки в перьях*; только что сыты, а доходов больно мало;

...Лучше разойтись перед венцом, нежели соединить судьбу свою с таким ничтожным существом, которое, по ее собственному выражению, *от солнышка не защита и от дождя не епанча*.

Н.А. Николина, анализируя стандартизированные лексические объединения русской автобиографической прозы, весьма точно определяет характер введения в авторскую речь последнего из приведенных оборотов, объясняя художественную роль этого прозрачного по семантике фразеологизма: «Автобиографические произведения обращены к читателю, отделенному от изображаемого в них значительной временной дистанцией. Сопоставление разных временных планов по принципу “*теперь*” – “*тогда*” проявляется в строении метаязыковых комментариев, которые учитывают особенности восприятия возможного адресата. Они строятся как сопоставление словоупотребления в прошлом и настоящем. <...>

Метаязыковые комментарии, основанные на сопоставлении словоупотребления в прошлом и настоящем, углубляют

временную перспективу текста, характеризуют повествователя как языковую личность и отображают течение времени (прежде всего, исторического) в слове» [Николина 2002: 64–65].

ЛИТЕРАТУРА

Аксаков С.Т. Семейная хроника. – Уфа, 1983.

Большой академический словарь русского языка (БАС). – М.; СПб., 2004–2012. – Т. 1–22.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1994.

Манн Ю.В. С.Т. Аксаков // Русские писатели. Библиографический словарь. – М., 1990. – Т. 1. – С. 22–24.

Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы. – М., 2002.

Словарь русских донских говоров: В 3 т. (СРД). – Ростов-на-Дону, 1976. – Т. 3.

Словарь русских народных говоров (СРДГ). – СПб., 2010. – Т. 43.

Словарь русского языка: В 4 т. (МАС) / Гл. редактор А.П. Евгеньева. – М., 1999.

Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху: сб. ОРЯС Академии Наук. – СПб., 1910. – Т. 88. – № 2.

Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 20 т. – М., 1965. – Т. 17.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – СПб., 1996.

Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. – М., 1997.

«Четвертый манифест акмеизма»?

Е.А. ПАНОВА

Москва

(Лингвопоэтический анализ стихотворения Г. Иванова «Горлица пела, а я не слушал»)

В статье анализируется одно из ранних стихотворений Г. Иванова, в котором визуальные и акустические образы служат метафорическому раскрытию любовной темы.

Ключевые слова: *опозиции; любовная тема; слуховые и зрительные образы; лирический герой; внешнее и внутреннее пространство; смысловое поле.*

Стихотворение «Горлица пела...» завершает второй поэтический сбор-

*Панова Елена Алексеевна, кандидат филол. наук, доцент МПГУ.
E-mail: eapanova@mail.ru*

ник Г. Иванова «Горница» (1914). Это одно из ранних стихотворений поэта, которое, по-видимому, ценил сам автор. Об этом свидетельствует, в частности, следующий факт: «К 25-летию своего творче-